

RU

Поэтика терапевтической сказки А. Шепелевич

Золотухина А. В.

Аннотация. Статья представляет собой комплексный анализ феномена терапевтических сказок как синтетического жанра, возникшего на стыке литературы и психологии. На материале сборника А. Шепелевич (2024) выявляются ключевые жанровые особенности терапевтических сказок. Подчеркивается психологическая функция подобных произведений. Цель исследования – охарактеризовать жанровое своеобразие терапевтической сказки на материале сборника А. Шепелевич. Научная новизна работы заключается в комплексном описании терапевтической сказки как целостного жанрового образования на стыке литературы и психологии. Выявлен и описан его устойчивый жанровый инвариант. В научный оборот впервые вводится и подвергается детальному литературоведческому и структурному анализу корпус текстов современного автора А. Шепелевич, что позволяет выявить актуальные тенденции в создании метафорического контента. Полученные результаты показали жанровую модель терапевтической сказки А. Шепелевич. Выявлен и описан устойчивый комплекс жанрообразующих признаков. Показана трансформация классических сказочных архетипов. Подтверждена и детализирована роль двойной адресации. Определена специфика метафоры.

EN

Poetics of A. Shepelevich's therapeutic fairy tale

A. V. Zolotukhina

Abstract. The paper presents a comprehensive analysis of the phenomenon of therapeutic fairy tales as a synthetic genre emerging at the intersection of literature and psychology. Drawing on A. Shepelevich's collection (2024), the key genre features of therapeutic fairy tales are identified. The psychological function of such works is highlighted. The aim of the research is to characterize the distinctive genre nature of the therapeutic fairy tale based on A. Shepelevich's collection. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive description of the therapeutic fairy tale as a holistic genre formation at the intersection of literature and psychology. Its stable genre invariant has been identified and described. For the first time, a corpus of texts by contemporary author A. Shepelevich is introduced into scholarly discourse and subjected to detailed literary and structural analysis, which allows for the identification of current trends in the creation of metaphorical content. The results obtained revealed the genre model of A. Shepelevich's therapeutic fairy tale. A stable complex of genre-forming features has been identified and described. The transformation of classical fairy tale archetypes is demonstrated. The role of dual address is confirmed and detailed. The specificity of metaphor is defined.

Введение

В современной социокультурной ситуации, характеризующейся возрастанием психоэмоциональных нагрузок, особую значимость приобретают инструменты, способствующие гармоничному развитию личности с раннего возраста. Одним из таких эффективных инструментов на стыке психологии и филологии выступает терапевтическая сказка. Этот синтетический жанр, целенаправленно создаваемый для мягкого разрешения внутренних конфликтов и развития эмоционального интеллекта, становится все более востребованным в практике писателей, психологов, педагогов и родителей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью преодоления методологического кризиса в современной филологии, связанного с отсутствием системного подхода к изучению терапевтической сказки как полноценного литературного жанра. Исследование отвечает насущной потребности современного литературоведения в комплексном изучении терапевтической сказки как феномена, находящегося на пересечении художественной традиции и актуальных социокультурных практик, поскольку популярность данного жанра в социокультурном пространстве значительно опережает уровень его теоретического осмысления.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить место терапевтической сказки в системе литературных жанров и ее связь с фольклорной и литературной сказочной традицией;
- выявить и систематизировать тематику и проблематику терапевтических сказок А. Шепелевич;
- проанализировать специфику сюжетостроения: особенности конфликта, композицию, роль кульминации в терапевтических сказках А. Шепелевич;
- исследовать систему образов терапевтических сказок: функции антропоморфных персонажей, принципы их выбора в зависимости от решаемой психологической задачи, отсутствие классического антагониста;
- охарактеризовать художественные средства, используемые в произведениях А. Шепелевич: особенности использования метафоры, повтора.

Для решения поставленных задач и достижения цели исследования применяется комплекс взаимодополняющих методов. Сравнительно-исторический метод использовался для выявления специфики терапевтической сказки путем сопоставления с канонами фольклорной (по В. Я. Проппу) и литературной сказки, а также для анализа трансформации классических архетипов (Герой, Тень, Помощник); структурно-типологический метод применялся для анализа сюжетных моделей, композиции и системы персонажей, позволил выявить инвариантную структуру терапевтической сказки; интертекстуальный анализ использовался для прослеживания связей между терапевтическими сказками и предшествующей литературной традицией (дидактические сказки Л. Н. Толстого, авторские сказки XX века); герменевтический подход был необходим для глубинной интерпретации метафор и символов, используемых в терапевтических сказках, и понимания их психологического подтекста; системный подход позволил рассмотреть терапевтическую сказку как целостный феномен, где художественные элементы (сюжет, образы, язык) неразрывно связаны с психолого-педагогической функцией.

Материалом для данного исследования стал сборник сказок Анастасии Шепелевич (2024), так как он представляет собой целостный, концептуально выверенный корпус текстов, созданных в рамках парадигмы терапевтической сказки.

Теоретической базой настоящего исследования стали работы различной направленности. Это фундаментальные психологические и психоаналитические труды: работы З. Фрейда (2014), заложившие основы анализа бессознательного через символические структуры, теория К. Г. Юнга (2003) об архетипах и коллективном бессознательном, предоставившая ключ к пониманию универсальных образов и сюжетов, исследования Э. Берна (2003) о жизненных сценариях, позволившие анализировать сказки как модели формирования поведенческих паттернов; труды по теории и практике сказкотерапии: работы Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой (2006) и С. В. Кузьмина (2015), разработавших методологические основы использования сказки как инструмента психологической коррекции; фольклористические и литературоведческие исследования: структурно-типологический подход В. Я. Проппа (1998; 2000), составивший основу для сравнительного анализа нарративных структур; работы М. С. Петровского (1986), А. Геннепа (1999), исследующих генезис и поэтику сказочного жанра, проблему двойной адресации и обряда инициации; современные междисциплинарные исследования: научные статьи Е. Г. Кокориной и К. А. Макеевой (2022), Ф. Г. Майленовой (2024), посвященные анализу конкретных аспектов терапевтической и дидактической литературы, что позволило интегрировать новейшие научные представления в методологию данного исследования.

Практическая значимость работы: материалы и выводы исследования открывают перспективы для сравнительного изучения эволюции дидактических традиций в русской литературе, специфики современного литературного процесса; могут быть использованы при изучении эволюции малых прозаических форм в русской литературе XXI века, в частности при анализе трансформации сказочного жанра в современном литературном процессе; анализ терапевтической сказки как синтетического жанра может быть применен при изучении других пограничных жанровых форм, находящихся на стыке художественной литературы и прикладных дискурсов. Результаты работы могут быть включены в лекционные курсы по детской литературе, истории современной русской литературы, а также в спецкурсы по теории жанра и поэтике сказки.

Обсуждение и результаты

Литература и психология всегда были неразрывно связаны. Через произведения многие мыслители воздействовали на читателей, излагая доктрины своего учения более наглядно: «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, «Семь проповедей мертвым» К. Г. Юнга.

Следствием такого плотного взаимодействия стало явление, названное сказкотерапией. Сказкотерапия – это процесс образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни. Это процесс переноса сказочных смыслов в реальность (Зинкевич-Евстигнеева, 2006, с. 7).

Еще Зигмунд Фрейд (2014, с. 248) указал на то, что при анализе сновидений можно успешно использовать сказочную символику, что заставило исследователей заново переосмыслить имеющийся метафорический материал и увидеть в сказках и мифах скрытый смысл. Осознать, что, являясь источником символов с глубоким культурным значением, сказки помогают раскрыть бессознательные идеалы и страхи (Кокорина, Макеева, 2022, с. 70).

Новое видение природы сказок и их содержания дали работы представителей юнгианской школы. К. Г. Юнг в своих работах отметил, что сказки, мифы, легенды способствуют психологическим исследованиям, так как в них находят отражение психическая реальность человека и его внутренние противоречия.

Проведя параллели между сказкой и сном, он указал, что сказка является отражением коллективного бессознательного (Юнг, 2003, с. 119). Подобные идеи психоаналитической интерпретации сказок получили дальнейшее развитие в работах Э. Берна, который обнаружил в сказках отражения жизненных сценариев, формируемых у ребенка.

Позднее детальное изучение сказок и их взаимодействия с психологией, в особенности детской, привело к появлению нового синтетического жанра – терапевтические или дидактические сказки. В русской литературе родоначальником такого рода произведений условно может быть назван Л. Н. Толстой, который в авторских сказках учитывал возрастные, социальные и психологические особенности детей из народа, раскрывая морально-этические и духовные воззрения, наполняя гуманистическим, воспитательным, просветительским смыслом (Ревенко, 2018, с. 175).

Специфика этих произведений предполагает объединение черт всех видов литературных сказок. Так же как в фольклорной сказке, в терапевтической заложены архетипы (Герой, Тень, Мудрый Старец), есть модель испытания и победы, бинарные оппозиции (добро/зло, храбрость/трусость), заведомо выраженный жизненный урок.

Подобно литературной сказке XVIII-XIX веков (Г. Х. Андерсен, Ш. Перро) здесь усилен психологизм, авторское начало, особое внимание уделяется герою-ребенку и сложным жизненным ситуациям, в которых он оказывается. В связи с тем, что терапевтические сказки не вполне могут быть названы классическими литературными произведениями, принятая классификация сказок в отношении терапевтических не совсем уместна. Однако именно работы В. Я. Проппа («Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки») можно считать переходной фазой, которая вывела и работу над метафорическим материалом на качественно новый уровень (Кузьмин, 2015, с. 161).

Единую и однозначную классификацию терапевтических сказок в настоящее время представить сложно, поскольку это явление относительно новое и активно развивающееся, однако на примере сказок А. Шепелевич можно выделить ряд общих сюжетно-образных черт, которые впоследствии могут служить основанием для систематизации.

В начале терапевтической сказки всегда представлена исходная бытовая ситуация, в которой герой оказывается впервые. Описание «маленького героя» (часто антропоморфного животного, предмета) и его проблемы, которая не персонализирована (к примеру, не «злой дракон», а «страх темноты», не «монстр», а «фобия» или «неуверенность в себе»), что позволяет проецировать ее на различные ситуации, – всё это выполняет реабилитационную функцию, которая способствует возникновению у читателя более оптимистичного взгляда на жизнь и окружающие события (Салимова, 2019, с. 36).

Образы героев-животных, конечно, неслучайны. Они выбираются при помощи соотношения внешних характеристик и проблематики произведения. К примеру, герой-лев необходим для демонстрации страха воды/мытья головы (А. Шепелевич – «Грива как у папы»), а герой-хамелеон используется в тех сюжетах, где необходимо обратить внимание на эмоциональную составляющую, переменчивость настроения и правильную эмоциональную реакцию на определенное поведение (Шепелевич – «Торт в животе»).

В отличие от классической сказки с четким «путем героя», сюжеты терапевтических сказок, в том числе и А. Шепелевич, минималистичны и статичны. Часто они строятся не как уникальные художественные произведения, а как типовой конструктор, где элементы сюжета подбираются под заранее заданную педагогическую или психологическую цель. Можно сказать, что все терапевтические сказки в основе имеют определенное клише, однако именно эта особенность делает дидактические сказки понятными даже самым юным читателям, предсказуемыми, позволяет заменить внешний конфликт на внутренний, а победу над злом – на интеграцию опыта.

Иными словами, эти сказки посвящены не победе над драконом, а признанию его существования, тому, как научиться жить рядом. Так, в сказке «Мандариновое деревце» (Шепелевич, 2024, с. 20-23) герой сталкивается с необычным врагом – инфекциями. Победить их можно только с помощью изменения внутреннего состояния, через принятие. «Инфекции» здесь – это не болезнь, а сложная многоуровневая метафора, идеальный образ того, с чем нельзя сразиться в открытом бою. Это делает конфликт как бы невидимым. Попытка напрямую «победить» проблему лишь усугубляет ее.

Здесь можно заметить ключевое отличие терапевтических сказок от фольклора: герой редко получает в помощь волшебный артефакт со стороны. Акцент делается на найденных внутренних ресурсах (смелости, сообразительности, доброте) или помощи, которая приходит в ответ на его правильные действия. Так, сказка «Темнота и клубок» (Шепелевич, 2024, с. 4-7) посвящена герою-котенку, который борется со страхом темноты. В преодолении фобии ему помогает обычный клубок, защищая который герой и становится храбрее и сильнее. А в сказке «Глаза под кроватью» (Шепелевич, 2024, с. 40-43) «волшебным» становится вмешательство мамы, которая приходит на помощь, как только героиня проявляет смелость в преодолении страха перед неизведанным, и вместе им удается окончательно «укротить» тревогу.

Классической отлучки или нарушения запрета в терапевтических сказках зачастую нет. Герой лишь сталкивается с трудностью или попадает в проблемную ситуацию. Однако это не «грех», а скорее «вызов». При этом трудность точно отражает реальную психологическую проблему, но в метафорическом виде. Метафора – неотъемлемая часть терапевтических сказок, поскольку она становится для читателя или слушателя не только своего рода образцом поведения в сложной ситуации, но также и метафорой его собственного состояния – в результате обнаруживается выход из сложного положения, происходит интеграция мудрости, полученной извне в метафорической форме, и внутренних ресурсов личности (Майленова, 2024, с. 57),

происходит воздействие на читателя. Обязательно называются и проживаются те же эмоции, что чувствует читатель-ребенок (страх, грусть, обида, злость). Это дает валидацию его переживаний.

К примеру, сказка «Когда плачет зубной врач» (Шепелевич, 2024, с. 8-11) посвящена конфликту между сиюминутным желанием (есть сладкое) и долгосрочными последствиями (боль, необходимость лечения), т. е. проблеме избегания неприятных, но необходимых действий. Описывается, как Медвежонок боится, оттягивает визит, придумывает отговорки. Это – валидация, благодаря которой читатель слышит: «Твои чувства страха и нежелания – нормальны и понятны». Кариес и невыносимая боль – это метафора последствий неправильных решений, к которым приводит избегание. Визит к врачу – это метафора принятия ответственности и прохождения через кратковременный дискомфорт ради долгосрочного благополучия.

В терапевтических сказках конфликт разрешается не уничтожением антагониста, а его интеграцией, преодолением, пониманием. Кульминацией часто становится не внешнее событие, а момент внутреннего озарения, принятия, «тихого прозрения». Страх превращается в друга, гнев – в конструктивную силу. Поэтому финал содержит позитивное изменение героя, его новое состояние. Прямая мораль часто отсутствует, она имплицитно заложена в сюжете. Так, например, в сказке «Торт в животе» (Шепелевич, 2024, с. 36-39) стыд перед признанием ошибок перерастает в смелость принятия себя и возможность довериться другому человеку, не опасаясь осуждения. А в сказке «Больно – терпи» (Шепелевич, 2024, с. 60-62) страх перед болью переходит в «тихое принятие» необходимости некоторых болезненных ощущений во избежание более серьезных последствий.

В подобных сказках редко даются готовые ответы. В произведениях А. Шепелевич финал – это приглашение к саморефлексии, вопрос, обращенный к читателю: «А что чувствуете вы?» Все решения принимаются самим героем. Так, в сказке «Когда плачет зубной врач» (Шепелевич, 2024, с. 8-11) герой соглашается идти к врачу, когда боль становится невыносимой. То же делает герой-львенок в сказке «Грива как у папы» (Шепелевич, 2024, с. 16-19): идет к парикмахеру и соглашается помыть голову, поскольку иначе гриву нужно состричь. Это важный психологический момент: читатель через героя приходит к внутреннему решению о необходимости действия.

Несмотря на то, что размер терапевтических сказок небольшой, они преследуют сразу две цели: развлечение ребенка и оказание психологической помощи, демонстрация пути преодоления психологической проблемы, адресуемая обычно взрослому, который будет читать книгу. В этом, думается, они близки произведениям 1920-х годов, к примеру, сказкам Ю. К. Олеши и А. Н. Толстого, которые тоже имели двойной смысл: один был адресован детям, а другой – взрослым. Двойная адресация подобных сказок заложена в них как творческий метод (Петровский, 1986, с. 152) и является системообразующим элементом для всего жанра в целом, поскольку служит психологическим инструментом, создавая уникальный потенциал для опосредованной коммуникации и некоторого укрепления детско-родительских отношений: для ребенка сказка выполняет функции проекции, идентификации и валидации эмоций, а для взрослого текст служит диагностическим инструментом и руководством к действию.

Кроме сюжетных особенностей, можно выделить и ряд языковых черт, которые сближают терапевтические сказки со сказками литературными. Так, в начале повествования – зачин, обязательно наблюдаются повторы, но не троекратные. Речь идет о повторе ключевых фраз, что создает медитативный, успокаивающий эффект, похожий на аффирмацию. При этом язык намеренно прост, лишен сложной литературной метафоричности. Глубина достигается за счет точности попадания в суть переживания.

Как, к примеру, в сказке «Кому грозит гроза» (Шепелевич, 2024, с. 12-15), построенной по принципу нагнетания. Сначала герой замечает первые, едва уловимые признаки грозы (птицы спрятались, начался дождь). Благодаря повторам признаки грозы становятся все очевиднее, и страх героя нарастает. Финал – это не «гроза прошла», а «гроза перестала быть ужасом». Страх не исчез, но его природа осознана. Это катарсис принятия, а не избавления. Таким образом, сказка становится не просто историей «о тревоге», а художественным актом, преобразующим восприятие реальности.

Здесь можно увидеть некоторое подобие характерной для волшебной сказки инициации, внутренний аспект предназначения которой – познание и совершенствование себя, постижение истины (Петришин, Паранук, 2018, с. 180). Вместе с тем заметны и отличия от классического понимания этого явления. Если в фольклорной традиции инициация – это система обычаев, связанных с переводом юношей и девушек в возрастную категорию взрослых (Геннеп, 1999, с. 64-107), то характерной особенностью терапевтической сказки является, наоборот, игнорирование возрастной категории героя, поэтому внимание уделяется лишь внутреннему – психологическому – состоянию.

Выявленная замена внешнего конфликта на внутренний представляет собой не просто модификацию сюжета, а смену парадигмы всего жанра. Если классическая сказка через метафору внешней борьбы готовила читателя к преодолению объективных жизненных трудностей, то терапевтическая сказка через метафору внутреннего состояния ориентирована на развитие эмоционального интеллекта. Это отражает общекультурный тренд на интроспекцию и важность управления внутренним состоянием.

Трансформация архетипов, в частности замещение внешнего помощника внутренним ресурсом, свидетельствует о сдвиге в педагогической модели – от пассивного ожидания чудесной помощи к активизации собственного личностного потенциала ребенка.

Обнаруженный механизм «принятие чувств → образное переосмысление → озарение» является центральным звеном, объясняющим эффективность жанра. Валидация (узнавание и принятие своих эмоций героем) снимает первичное сопротивление и создает безопасный эмоциональный фон. Метафоризация обеспечивает когнитивное дистанцирование, позволяющее взглянуть на проблему со стороны без прямого

давления. Имплицитный инсайт, в отличие от прямой морали, обеспечивает не навязывание решения, а его самостоятельное «открытие» читателем, что делает присвоение опыта более глубоким и устойчивым.

Полученные данные согласуются с работами Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой о роли сказки как инструмента психологической практики, но дополняют их детальным литературоведческим анализом жанровых структур. В отличие от подходов В. Я. Проппа, ориентированных на выявление универсальной повествовательной структуры, настоящее исследование демонстрирует, как эта структура целенаправленно трансформируется для решения конкретных задач.

Заключение

Проведенное исследование позволяет подвести итоги и сформулировать следующие выводы.

В ходе определения места жанра в литературной системе выявлено, что терапевтическая сказка занимает промежуточное положение между фольклорной и литературной сказкой, творчески трансформируя их черты. От фольклорной традиции она наследует архетипическую основу и модель испытания, а от литературной – усиленный психологизм и авторское начало. При этом она принципиально отличается от обеих заменой внешнего конфликта на внутренний и ориентацией на интеграцию опыта, а не на победу над антагонистом.

В процессе выявления и систематизации тематики и проблематики сказок А. Шепелевич было установлено, что их корпус представляет собой комплексную модель работы с ключевыми детскими страхами и сложными психологическими состояниями. Выделены следующие тематические блоки: страхи (темноты, неизвестности, медицинских процедур), проблемы саморегуляции (преодоление обиды, гнева, стыда), формирование ответственности и преодоление избегания.

Анализ специфики сюжетостроения показал, что для сказок А. Шепелевич характерна особая нарративная структура, отличная от классического «пути героя». Ее составляют: а) исходная бытовая ситуация, б) актуализация внутреннего конфликта (страх, тревога, нежелание), в) кульминация как момент «тихого прозрения» и принятия решения (основанного на внутреннем ресурсе), г) развязка, демонстрирующая позитивное изменение состояния героя через интеграцию опыта.

Исследование системы образов подтвердило, что выбор антропоморфных персонажей (белчонок, медвежонок, львенок и др.) является не случайным, а функционально и метафорически обусловленным. Их внешние или поведенческие характеристики (боязнь воды у львенка, способность к трансформации у хамелеона) напрямую соотносятся с решаемой психологической задачей. Классический антагонист заменен на персонафицированную проблему (кариес, темнота, гроза), что переводит конфликт во внутренний план.

Характеристика художественных средств выявила, что ключевым инструментом воздействия в сказках А. Шепелевич является функционально-моделирующая метафора («гроза» как тревога, «торт в животе» как чувство вины). Повтор используется не как фольклорный троекратный прием, а как способ создания медитативного эффекта и аффирмации. Язык намеренно прост и лишен сложной литературной метафоричности, что обеспечивает доступность и точность попадания в суть переживания.

В качестве перспектив дальнейшего изучения заявленной проблематики можно назвать возможность исследований различной направленности. Полученные выводы закономерно обуславливают необходимость сравнительного изучения поэтики терапевтических сказок разных авторов (к примеру, Т. Зинкевич-Евстигнеевой, А. Шепелевич, О. Хухлаевой). Такой анализ позволил бы выявить не только индивидуальные авторские стили, но и общие закономерности формирования жанра в современном литературном процессе, а также определить его место в системе малых прозаических форм. Кроме того, представляется плодотворным историко-литературный анализ генезиса жанра, предполагающий изучение преемственности между дидактическими сказками Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского и современными терапевтическими сказками. Это позволило бы проследить трансформацию дидактического начала в русской литературе и выявить специфику его функционирования в разные культурные эпохи. В контексте современной литературной парадигмы особую значимость приобретает исследование взаимодействия терапевтической сказки с цифровой средой. Анализ интерактивных приложений и анимационных проектов, созданных на основе сказочных нарративов, мог бы раскрыть особенности адаптации традиционных жанровых моделей к новым медийным условиям. Наконец, полученные результаты указывают на актуальность разработки целостной типологии терапевтической сказки на основе систематизации ее жанровых модификаций. Создание такой типологии стало бы существенным вкладом в теорию жанра и позволило бы упорядочить научные представления об этой структурно-содержательной модели в современной литературе.

Материалы исследования | Research materials

1. Шепелевич А. С. Я не боюсь (Терапевтические сказки). М.: Харвест, 2024.

Источники | References

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2003.
2. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. М.: Восточная литература, 1999.

3. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб.: Речь, 2006.
4. Кокорина Е. Г., Макеева К. А. Теоретические аспекты изучения архетипических мотивов в текстах культуры: мифах и сказках // МедиаВектор. 2022. Вып. 6.
5. Кузьмин С. В. Сказкотерапия как метод культурно-психологического воздействия на личность: история и эволюция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5.
6. Майленова Ф. Г. Исследование метафоры как особого явления языка в философии и психологии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. Т. 10. Специальный выпуск.
7. Петришин Д. В., Паранук К. Н. Инициация как сакральный элемент художественной структуры русских волшебных сказок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2.
8. Петровский М. С. Книжки нашего детства. М.: Книга, 1986.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
10. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
11. Ревенко Н. В. Мир сказки через поколение // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. Т. 1. № 3 (27).
12. Салимова А. Ш. Сказкотерапия и ее функции // Международный научный журнал «Вестник науки». 2019. Т. 3. № 2 (11).
13. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. Я. Когана. СПб.: Лениздат, 2014.
14. Юнг К. Г. Синхрония. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU**Золотухина Анастасия Владимировна¹**, к. филол. н.¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва**EN****Anastasiya Vladimirovna Zolotukhina¹**, PhD¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow¹ romashka9206@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.10.2025; опубликовано online (published online): 26.11.2025.

Ключевые слова (keywords): терапевтическая сказка А. Шепелевич; психопоэтика детской сказки; метафорические конструкты А. Шепелевич; дидактический антропоморфизм терапевтической сказки; A. Shepelevich's therapeutic fairy tale; psychopoetics of children's fairy tales; A. Shepelevich's metaphorical constructs; didactic anthropomorphism of the therapeutic fairy tale.